

Татьяна Каппа

Про Тоську

книга 2.

Бабочка

Цикл историй Антонины Нейденевой

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Татьяна Каппа
Про Тоську. Книга 2.
Бабочка крушинница

<https://litres.ru/73851174>

SelfPub; 2026

Аннотация

Тоська приезжает в город и начинает новую жизнь — замужество, работа, интересные знакомства, случайные предложения, неожиданные повороты. Всё выглядит обычно, пока не оказывается, что за привычными событиями постепенно складывается совсем другой путь.

Содержание

Пролог	4
Замужество	9
Чужая родня	14
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Про Тоську. Книга 2.

Бабочка крушинница

Пролог

В город своей юности надо приезжать в начале осени. Как в студенческие годы... Когда сентябрьское солнце ласковое, воздух не знойный, а теплый, прозрачный; с городских клумб пахнет горькими хризантемами, у магазинов продают осенние цветы... мокрые, тяжелые, в оцинкованных ведрах; а от флоксов из дачных корзин в троллейбусе стоит сладковато-душистый запах, и случайно пойманный взгляд кажется неслучайным и наполняет радостным волнением...

Хорошее беззаботное время!

Тоська шла по городскому бульвару и разглядывала прохожих. Незнакомые лица, другая мода, другая одежда...

Яркое солнце опалило листву деревьев, и листья от жары и пыли выглядели ненастоящими – как будто бумажными.

Середина жаркого лета – не лучшее время года для возвращения в город своей юности.

Тоська не приняла его – как не принимают знакомого, с которым когда-то потерялась связь и который со временем стал чужим.

А может, это город не принял ее, и она здесь чужая?

Она шла по солнечному бульвару, не защищенному от жаркого солнца листвой деревьев, и воспоминания наполняли ее...

Начало сентября. Тоська идет в институт в новом синем платье в горох, в белых туфлях-лодочках на полупиьке. Прическа – как у «Кавказской пленницы». И сама она – как та «пленница»: студентка, красавица, комсомолка, спортсменка.

Недалеко от входа стоит компания незнакомых черноволосых парней. Их окучивает старшекурсник Буреев – контрабасист, без которого не обходится ни один концерт факультета.

Буреев весело машет ей рукой и идет навстречу. Она знает, что он в нее влюблен.

– Это что, новые студенты?

– Музыканты! – утвердительно кивает он головой. – Услышал их в Гаграх, привез сюда. Обещал им поступление в институт. Хочу ансамбль организовать при факультете. Вот ждем декана.

– А по-русски они говорят?

– Аполитично рассуждаешь, клянусь, честное слово!.. – Буреев, подражая товарищу Саахову, вскидывает перед собой руки. – В то время как наш факультет борется за первое место в смотре художественной самодеятельности...

Тоська смеется.

– Зачем им говорить по-русски! Они же играть будут! – смеется и Буреев.

– И ты думаешь, Генрих Борисович такой дурак, что возьмет их в студенты?

– А куда он денется! Одним студентом больше – одним меньше! У нас только из спортсменов можно факультет составить. А музыкантов нет. Не могу же я один все концерты тащить. Потом познакомлю тебя с ними. Веселые ребята!

Но больше этих веселых ребят она не видела. Декан оказался не дурак и прогнал их из деканата вместе с Буреевым.

У Тоськи была его фотография. На ней он, веселый и неунывающий – на сцене: в черном костюмчике, брюках-дудочках, в обнимку с контрабасом. Фотография пропала в деревне вместе с другими ее фотографиями и ее дневником.

Украденные и уничтоженные, они окончательно разрушили эту связь. Была уничтожена зримая память большого куска ее жизни, были уничтожены написанные рукой ее девичьи откровения – пусть глупые и наивные, но составляющие ее тогдашнюю внутреннюю жизнь.

Воспоминания стали зыбкими и нереальными...

Тоська начала новый дневник с чистого листа и альбом – со своей свадебной фотографии.

Фотография не была свадебной в обычном понимании этого слова.

Не было веночка из флердоранжа и тюлевых складок белой фаты, доказывающих непорочность невесты. Хотя неве-

ста была непорочна. (Слово-то какое!) Но кому и зачем это надо доказывать?

Не было в руках свадебного букета, не было острых гладиолусов, не было богатого платья из атласа с прозрачными капроновыми рукавами.

На фотографии она была в белой гипюровой кофточке, купленной перед отъездом из Сибири в районном сельпо. Он – в белой рубашке с шитьем, которую достала по знакомству его пройдошистая тетка Неля.

В замужество – как в эмиграцию. В чужой дом.

С верой, что уживешься с чужими людьми, с чужим языком, чужими характерами и традициями.

Что подстроишься.

Ведь только начинаешь новую жизнь, а они – те, кого надо теперь уважительно называть «мама» и «папа», – опытнее тебя по жизни и умнее.

И вливаешься в их жизнь, в их семью – и запутываешься в клубке их сложных характеров и взаимоотношений.

И говоришь с ними на разных языках, и до конца не понимаешь их, а они – тебя.

И кажешься себе неуживчивой и по-житейски неумелой.

И обвиняешь в этом только себя.

С этой виной и живешь...

И пытаешься разобраться...

Тоська двадцать лет прожила за границей. Что она сделала за это время?

Повзрослела... И, кажется, поумнела. Впрочем, это может ей только казаться...

Но до эмиграции было еще далеко...

Сначала было замужество.

Замужество

Первую чужую свадьбу Тоська увидела лет в пять. Они тогда только приехали в маленький провинциальный городок, куда перевели военного отца; шли с вокзала пешком, несли в руках какие-то вещи. Маленькая Тоська несла алюминиевый чайник с изогнутым носиком, напоминающим змейку с открытым ртом.

Вошли в подъезд дома, где им предстояло жить, и услышали громкие звуки вальса. Входная дверь в соседнюю квартиру была открыта, и по длинному узкому коридору кружилась пара. Женщина со светлыми кудряшками была в легком желтом платье с короткими рукавами и широкой юбкой, в босоножках с носочками, а плотный мужчина – в коричневом костюме с широкими плечами. Они вылетели в вальсе на лестничную площадку и закружились на ней...

«Свадьба!» – сказала мама. – «Пойдемте, не будем мешать!» Сестры прошли за ней, а Тоська стояла с чайником в руке и смотрела на кружащуюся женщину в желтом. Юбка и короткие рукава-крылышки взлетали, и невеста была похожа на лимонно-желтую бабочку крушинницу. «И я бы так хотела! – подумала тогда она. – Это, как в сказке!»

Молодожены жили в соседней квартире. С ними вместе жила маленькая девочка, дочка женщины. Через стенку

Тоська часто слышала красивый голос певца: «Я встретил девушку-у, полумесяцем бро-овь...» Это они вечером ставили пластинку. И, наверное, опять танцевали. Но однажды вместо «...полумесяцем бро-овь...» Тоська услышала страшный мужской крик: «А-А-А...», потом отчаянно закричала девочка.

Тоська выскочила из квартиры вслед за мамой. На площадку выбежала «крушинница», за ней рвался разъяренный муж в подштанниках, а в его живот упиралась руками девочка, не пуская его, удерживая своими худенькими ручками. Выбежали соседи, мужа затолкали назад в комнату.

Женщина осталась стоять на площадке. Она не плакала, не кричала. Молча стояла, опустив голову и поднеся кулачок с согнутым в колечко пальцем к губам. Она была похожа на замершую на холодном оконном стекле полуживую бабочку с ободранными по краям крылышками и осыпавшейся пылью. «У нее первый муж пил страшно!» – прошептала знающая соседка со второго этажа в атласном халате и с янтарными шариками на шее.

– Второй, вроде, не пьющим был, – шептались соседи с первого. – Пришел пьяный, завалился на кровать, она его раздевать стала... Видно, вспомнился бывший муж... Не выдержала и от отчаяния ударила, а он спяну рассвирепел... Ох уж эти пьянчуги! Поубивала бы!

– Все пьют. Всех не поубиваешь! – рассудительно сказал сосед в майке, закуривая папиросу. Он всегда выходил ку-

ритель на лестницу.

Потом Тоська видела много свадеб. Выходили замуж сестры, подружки... Всё было одинаково. Тоська больше не мечтала о свадьбе и не хотела ее. Осталась в памяти желтая крушинница, легко кружащаяся в слабом дневном свете, проникающем сквозь пыльное стекло подъездного окна.

Но со свадьбой за Тоську решили другие.

На маленькой кухне «хрущевки», где ей теперь предстояло жить, стоял дым коромыслом, жарили «горячее для гостей» – куриные окорочка, купленные в ресторане с наценкой. Куплены они были на те деньги, которые Тоська присылала из деревни маме. Та их не тратила. Потом отдала на свадьбу, которую Тоська не хотела.

С деньгами мама никогда не могла управляться. Она привыкла, что их всегда не хватало, и пыталась копить, не тратить. (Потом она откроет сберегательные книжки на внуков. Опять будет экономить на себе, а в 90-х эти деньги пропадут). Вот и сейчас... Она смотрела на дочь без подвенечного платья и ругала себя: эти деньгигодились бы дочери самой на первое время взрослой жизни. Но родители мужа сказали, что половину они потом отдадут молодым...

Тоська не хотела этих окорочков, не хотела традиционно-го празднования. Но традиция требовала сидеть за столом

в окружении незнакомых людей, целоваться, когда кричали: «Горько!» И чтобы был «дым коромыслом»! Гости ели «горячее», пили «холодное», шумели, смеялись...

Мама с маленьким внуком, племянником Тоськи, сидела за столом и чувствовала себя неловко: никак не могла изобразить на лице радость. Две старшие дочери уже были замужем. И их жизнь была не очень радостной. А она ничем не могла им помочь. Как сложится жизнь младшей? Она смотрела на дочь, пытаясь бодро улыбнуться. Не получалось: приходили совсем не бодрые мысли. Она в первый раз видела мужа дочери. Он был не такой, как мужья других дочерей. Но она не стала судить о нем по первому взгляду: часто ошибалась в своей оценке людей. Она уже познакомилась с его родителями, немного шумными и разговорчивыми, но простыми и, как ей показалось, искренними, а главное – уверенными в себе. Чего не было в ней самой. Сватья – такая энергичная и веселая. Может, даже слишком веселая и раскрасневшаяся. Или веселость эту поддерживает порядком выпитое ею? Надо надеяться, что у дочери всё будет хорошо. Всё равно ничего изменить в этой жизни она не может. Жизнь идет сама собой, без ее поправок. Когда она пытается что-то поправить, получается еще хуже.

Муж Тоськи напоминал ей немецкого математика Георга Кантора в молодости, портрет которого она недавно видела в одном журнале. Поразившись сходству зятя с ним, она подумала: «Он похож только внешне или к нему подходят слова,

сказанные о Канторе: «В истории математики, пожалуй, не было столь противоречивой фигуры, как немец Георг Кантор. Одни называли его шутом, другие же считали гением. Точку в этом споре поставило время!»

Время точки мужа дочери еще не пришло.

Гости весело шумели, новоявленный муж всё разговаривал с друзьями, которых давно не видел.

И вдруг Тоська заплакала. «Если бы здесь был мой папа, он не позволил бы ему ее целовать!» – сказал наблюдательный маленький племянник.

Так началась после деревни ее новая жизнь.

Чужая родня

Звала Полиною Прасковью...

(А.С. Пушкин «Евгений Онегин»)

«Помнишь, мама моя, как девчонку чужую...» – со знанием любила напевать свекровь своим сильным голосом, вкладывая в слова одной ей понятный смысл и почему-то жалея себя. Самой-то ей не пришлось жить невесткой в чужом доме.

С женой сына она старалась быть справедливой и доброй.

– Тонька моя – прямо золотая! – говорила она соседкам.

– Да ты сама золотая! Вот и Тонька – золотая! – говорили соседки то, что ей хотелось слышать.

Однажды они всей семьей были в гостях. Хозяин дома приходился свекрови каким-то дальним родственником. Звали его Юра. Конечно, у него было и отчество. Он был уже в возрасте. Но называли его дядя Юра, и не просто дядя Юра, а дядя Юра-молодец! У дяди Юры-молодца была солдатская смекалка и неустомимо умелые руки, которые росли, откуда надо. Он всё время что-то мастерил у себя дома для хозяйства из материалов, которые выносил с работы.

Вот у этого молодца они и были как-то в гостях. Посидели за столом, выпили. Вышли на кухню. «Ай-да, дядя Юра! Ай-да, молодец!» – закуривая, в который раз восхитилась све-

кровь хозяином дома. Восхищение вызвало у нее его новое изобретение. К стене в кухне был прилажен узкий длинный футляр из органического стекла, сверху донизу заполненный спичечными коробками.

– Выдвинул заслонку снизу, – показывал дядя Юра-молodeц, – и коробок падает тебе в руку. Закурил или газ зажег и – хоп! – бросил коробок сверху в футляр.

– Вот за кого замуж-то надо было выходить! – вдруг зло и обиженно заблестели глаза свекрови. Казалось, что говорит она это кому-то в отместку. Кому? Мужу! Кому же еще!

Свекровь, русская женщина с простым именем Пелагея, любит, когда ее называют Полиной. Подруги называют ее Польшди. Она стесняется, когда муж встречает своих знакомых, с которыми когда-то подхалтуривал в духовом оркестре, ну и случалось на похоронах. Лица у них рябоватые, помятые, неинтеллигентные, плохо выбритые. И сами – простецкие, несолидные: могли выйти из дома в магазин и идти по улице в сатиновых шароварах, майке-алкоголичке и брезентовых тапках.

А она – вся такая из себя! Польшди! В шляпке, в туфельках, с белопудренным лицом, с нарисованными черным карандашом бровями и модной мушкой. С недовольным выражением она отворачивается и ждет в стороне конца их веселого и слишком громкого разговора, всем своим видом показывая, что это ей не нравится.

И, слушая ее восторги относительно рук дяди Юры-молдца, Тоська думает, что у свекра ведь тоже руки откуда надо растут! Вот придумал и сделал для дома из толстой проволоки ручку-держатель для трехлитровой банки. За молоком ходить. Удобно банку из магазина нести! Да и кроме ручки-держателя, он у себя в конструкторском бюро конструирует ракетные установки. Так чем же дядя Юра молодцеватее свекра?»

Конечно, установки эти – не приспособление для хранения и извлечения спичечных коробков, но тоже кое-что.

Видно, что-то другое злит свекровь.

Вот и его тещу тоже злит в нем многое. Свёкрова тёща, бывшая деревенская женщина, тоже недовольна им. Она не может понять, почему зять, вместо того, чтобы ехать копать огород и достраивать дачу, как другие мужики, стоит и что-то чертит дома на большом листе бумаги. Она сидит напротив на табуретке и непрерывно пилит его.

– Ехал бы на дачу лучше! Доски прибывал...

– Ма-ма! – кричит он, отрываясь от кульмана. – Вы мне мешаете! Я работаю!

– Какая ж эта работа? – искренне удивляется бабка.

– Я дипломную работу за студента Тараскина делаю. Он мне за это деньги заплатит. Я найму людей на эти деньги, и они вам всю дачу досками обколотят!

– Чего зря деньги людям платить? А сам чего ж?

– Что я?

– Не работаешь?

– Я работаю! – в истерике трясет он карандашом.

– Какая ж это работа? – снова удивляется теща, не обращающая внимание на его истерику. Она привыкла, что работают руками, на земле, являя собой подтверждение Адаму Смиту. Для нее работа – это когда с лопатой, граблями... молотком... А с карандашом?

– Какая же это работа! Она поправляет ситцевый платок на голове и, обиженно поджав губы, идет на кухню. И там ворчит, что «...все мужики, как мужики...»

Вместо поддержки слов свекрови про дядю Юру-молодца, Тоська только пожимает плечами.

– Гордая очень! – обиженно бросает свекровь. Ей хочется, чтобы невестка ее по-женски поддержала. Но Тоська еще не разобралась в тонкостях их семейной жизни, и ей кажется, что говорить так при муже, даже в шутку, как-то нехорошо.

И потом, что значит гордая? Из чего это следует?

Тоська сразу стала называть родителей мужа мамой и папой. А это было трудно, как будто обманываешь кого-то. Но ее мама так просила. Маме казалось, что из-за того, что ее старшая дочь свекровь мамой назвать не может, та ее не принимает по-доброму. И дочери жить там трудно. А свекровь эта самая, что ни на есть Кабаниха. Как-то попробовал папа заступиться, когда совсем дочери стало невмочь. Сказал:

«Вы не имеете право так с ней себя вести. Она – дочь майора!» Ему казалось, что в этих словах защита. Табу. На что сватья Кабаниха ловко ответила: «Ну и что? А я – дочь пастуха!» И нечего сказать.

Гордая – это тетя Зоя! Тетя Зоя – старинная подруга свекрови. Она зовет ее Зойкой, как повелось с начала их дружбы, с тех самых пор, когда свекровь еще «девушкой была». Так определяет это время сама свекровь.

Тетя Зоя – из технической интеллигенции: она – инженер-плановик на заводе. Внешность у нее огненная. Ярко-красные губы и рыжий факел крашенных Лондатонем волос. И характер – огненный. Гордый, прямой. У нее было два мужа. Первого она выгнала давно. А второго недавно. За что первого – уже никто не помнит. Она и сама забыла, но говорит: «Этого я ему никогда не прощу!»

Почему выгнала второго обсуждается каждый раз, когда тетя Зоя по выходным приходит к свекрови в гости. Она приносит с собой бутылку красного вина. Свекровь накрывает стол на кухне. Ставит тарелки с нарезанной вареной колбасой и сыром «Российский». Достает граненые рюмки, пепельницу, которая за время их посиделок набивается смятыми бумажными мундштуками. Дамы курят «Беломор». Со следами красной губной помады – тети Зоины. Второго мужа тетя Зоя выгнала недавно.

А было так...

Возвращалась она домой из магазина и услышала, как он

сказал мужикам, с которыми во дворе забивал «козла»: «Вон моя старуха идет. Сейчас пилить будет!» Сказал шутя, как говорили все мужики про своих жен, и, как-то забыв, что он по социальному статусу намного ниже ее, а она по возрастному – выше. А тетя Зоя никогда этого не забывала и «старуху» ему не простила. Дальше, как в песне: «Ему сказала я: «Всего хорошего», а он прощения не попросил...» Нет, конечно же, попросил, но у тети Зои «казаться гордою хватило сил...»

Свекор тоже сидит с ними за столом. Он помалкивает. Говорят подруги, возбужденные вином и своими смелыми высказываниями.

Красное вино от его неловкого движения проливается из рюмки на желтые ломтики сыра, и они теперь мокрые лежат на тарелке.

Голубые глаза свекрови зло сверкают. Утром они опять ссорились. «Зойка – гордая!» – кричала свекровь наперекор здравому смыслу, не желая признать глупость поступка подруги. «Зойке эта гордость опять боком выйдет!» – как-то даже виновато (подруга же!) отвечал свекор. Самого его ждет в будущем другой вердикт. «Жить буду, но не прощу!» – скажет ему жена, помня про горький опыт Зойкиной одинокой жизни. Впрочем, позже простит.

Свекровь – тоже гордая. И неласковая. Хотя ласку знает. Погибший на фронте отец заботился о ней и ласково назы-

вал: Полюшок. Муж любит, заботится и обожает свою Поленьку. Избалованной трудно быть ласковой с другими. Избалованные никогда не извиняются. Сын унаследовал эти черты.

Тоська вспоминала свою маму. Была ли она ласкова? Она была заботлива.

Жертвенно-заботлива... На ласку уже не хватало времени и сил.

Позже, читая автобиографическую книгу Набокова, Тоська споткнулась на описании поступков матери во время его болезни. Он, ребенок, ждал ее с очередными подарками, которые придавали смысл медленному выздоровлению.

И Тоська вспомнила, что так же было и в ее детстве.

Она лежит в постели с завязанным горлом и ждет возвращения мамы с работы. За окном только начинает темнеть. («...еще не спустили штор...») Зимние сумерки создают ощущение предстоящих потерь.

Тоська смотрит на часы. Мама задерживается. Это значит, что она зашла не только в магазин за продуктами, но и в УМ. Так называют их универмаг. Там есть всё: и одежда, и посуда. А главное – игрушки! И она представляет, как мама стоит перед прилавком, разглядывает полки с разноцветными картонными коробками. Выбирает, покупает, а потом идет по зимнему холоду по скользкой накатанной дороге. Нет, про это Тоська не думает. Она прислушивается.

Вот стукнула входная дверь. Мама заглядывает в комнату,

включает свет. От мамы хорошо пахнет свежим морозом. «А я тебе что-то принесла!» – протягивает она белую круглую коробочку. Внутри пластмассовые гвоздики с разноцветными шляпками. Мозаика!

Тоська, приподняв колени, приспособливает ее на одеяле и складывает узоры из шляпок. А потом, сложив узор, переворачивает вверх дном и стучит по торчащим «ножкам», как по клавише пишущей машинки. Сочиняет рассказ и «печатает»!

А в следующий раз мама приносит коробочку с деревянными грибочками и удочкой: «Поймай гриб!» И Тоська радуется! Ей невдомек, что мама устала, что ей еще готовить еду, заниматься хозяйством. И что она, идя домой по скользкой дороге, упала и ушиблась. Мама никогда не жалуется.

Конечно, мама – не мать Набокова, богатая петербургская дама в шляпке с вуалью, в настоящей котиковой шубке с муфтой, летящая в открытых санях по Невскому за подарком для больного сына.

Но для Тоськи она сейчас самое дорогое и близкое. В своем стареньком пальто, в пуховом платке, идущая пешком домой и несущая подарок больной дочери, которая ее ждет.

А ей бы пошла и вуаль, и котиковая шубка! Мама – очень красивая женщина! Ей бы тоже – на легких санках, поднося к лицу муфту, возвращаться домой с подарками. И дома есть чем заняться: не каждодневным хозяйством, а любимым чтением. Мама любит читать.

Из свекрови могла бы получиться хорошая артистка оперетты. Именно, оперетты. Для актрис драмы нужен другой замес, другое воспитание, образование. А у свекрови – всего семь классов. Помешала война. Отец погиб на войне. Она пошла на завод. А потом какая уж тут учеба? Так и осталась на заводе в сборочном цеху кладовщицей, месте не престижном и не доходном: ничего не украдешь. Из того, что могло пригодиться в доме, в ее распоряжении были «концы» – обрезки ткани, которые поступали из швейных предприятий на завод и использовались для протирки станков. Свекровь иногда приносила домой куски покрупнее, и бабушка вязала из них коврики или шила лоскутное одеяло. Не для продажи, для себя.

Свекровь, когда была Польди в шляпке и с нарисованной на щеке мушкой, говорила, что работает на заводе экономистом. Она ничего не умела: ни шить, ни вязать, ни вышивать. Не читала книг. Не потому, что была занята хозяйством. Его вела бабушка, а по магазинам ходил муж. Она любила смотреть фильмы по телевизору и грызть семечки. Любила перед обедом выпить водочки. Любила посиделки с подругой Зойкой за вином.

Всё это было непривычно для Тоськи: ее мама никогда не сидела дома без дела, даже когда смотрела телевизор – вязала. Перед сном читала. Любила учиться. Ездила по работе на курсы. После окончания фотографировались. Женщины

были в шелковых выходных платьях, с прическами, с бусами и серьгами: мама немного стеснительно стояла в простом ситцевом, с косой.

Но как же ей всё это шло!

Мама была старше свекрови и образованней. Они не стали подругами. Да и не могли стать. Мама не требовала к себе много внимания. Не было у нее самозабвенной гордости, и в случае с мужьями она, скорее, была бы на их стороне, чем на стороне гордых подруг. Мама жалела несправедливо обиженных. Часто искала причину обиды людей в себе.

Свекровь, прекраснодушничая, говорила соседям, что сватья «золотая». Совсем, как про Тоську. И с удовольствием слушала от них привычное, что это она сама «золотая». Но когда у Тоськи не оказалось денег на какую-то покупку, и мама нашла в себе душевные силы напомнить об обещании отдать половину свадебных денег, то гордая свекровь оскорбилась, и сватья больше уже не была «золотой». Мама переживала свое унижение молча, не сказав об этом дочери. Уничижительные слова прозвучали от свекрови. Ей как-то удавалось возвыситься над мамой. Это было не трудно: мама никогда не возвышала себя. Это качество унаследовала и Тоська

Свекровь... Когда еще «девушкой» была, бегала на танцы в Дом офицеров. И приглашал ее на первый танец, на вальс кто-то взрослый, красивый и надежный. Они открывали вечер танцев. Легко и свободно кружилась свекровь в вальсе...

Тоська представляла, как искрились ее голубые глаза. А потом приглашали другие кавалеры ее – невысокую, худенькую, молодую... И она кружилась, кружилась...

И казалось, что это не она, а мир кружится вокруг нее. И казалось, что так будет всегда, и жизнь будет легкой и радостной. И был какой-то Вадим, влюбленный и красивый. И потому кричала она мужу в сердцах и с обидой: «Лучше бы я за Вадима вышла! Я была бы счастливой!»

«...Сняла решительно пиджак наброшенный,
Казаться гордою хватило сил...» – слушает Тоська пение из-за дверей кухни...

Интересно, что за Вадим такой был? Кто он? Из тех, кто приглашал ее танцевать, а потом провожал, и они долго целовались, стоя на мокром снегу, в мокрых ботинках, на холодном мартовском ветру, и им было жарко? Загоняла ее домой мама, сегодняшняя бабушка. Следила. Уже подрастала младшая дочь, непутевая Нелька.

Почему свекровь не вышла замуж за этого Вадима? Влюбилась в другого? Но ведь и в Вадима была влюблена, если до сих пор его помнит. Вышла за того, кто был надежнее, в чью любовь поверила.

Свекор таким и был. Он единственный, кто понял ее суть. И она женской интуицией поняла это. Он оправдал ее надежды. А она не доцеловалась, не дотанцевалась, не довлюблилась, не докружилась...

А может, и не было никакого Вадима? Может, Вадим – это собирательный образ, недостижимая мечта, которая есть у каждой женщины?

Свекор раньше работал на заводе слесарем, потом, уже будучи женатым, закончил вечерний институт. Этот институт считался общим достоянием их семьи, заслугой жены и тещи. Поэтому к технологу Наде, с которой свекор подружился в Доме отдыха, свекровь приревновала не как к женщине, а именно как к технологу, женщине образованной. «Мы тебя с мамой выучили, а теперь я, неученая, тебе не пара?» – со злой обидой кричала она ему.

Казалось, что она завидует своей младшей сестре Нельке. Та живет вольно, не обремененная ни семьей, ни детьми. А она уже не может так жить! Она – замужем.

Тетя Неля. Бесшабашная тетка. Кавалеры у нее были шикарные. Среди них несколько человек носили имя Виктор. «Парад побед»!

В молодости она ходила в центровых подружках у блатного и фартового картежника Винтиля. У него был мотоцикл с блестящим бензобаком, и он приезжал на нем к своей подруге. «Др-др-др...» – говорил ее маленький племянник, услышав треск во дворе.

Винтиль был отчаянным. Говорили, что он сам расправился с убийцей своего друга. Пришел к нему домой и убил. Рассказывают, что было так: бандит, главарь банды Серый на улице зарезал его друга. Тогда это случалось часто. Он

убил его на глазах людей, свидетелей было много. Но милиции показания никто не дал, боялись, а Винтилю рассказали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.